

Горобец Мария

г. Санкт-Петербург, ГБОУ школа № 98, 11 класс

**Рецензия на спектакль «Оптимистическая трагедия. Прощальный бал»,
Александринский театр, режиссёр Виктор Рыжаков**

«Играй в самой гуще боя!»

*«Оптимистическая трагедия. Прощальный бал», революционный концерт
по мотивам пьесы Вс. Вишневского. Александринский театр, режиссёр
Виктор Рыжаков, сценографы и художники по костюмам Мария Трегубова
и Алексей Трегубов*

*Вот мои руки. Они могут бить, хватать, гладить, едва касаться...
И они должны охладеть, исчезнуть, раствориться...*

Один из важнейших спектаклей в репертуаре Александринского театра – «Оптимистическая трагедия. Прощальный бал». И я не судья, но для картины петербургских театров в целом он как будто тоже довольно значим. Виктор Рыжаков поставил монумент миру и человеку на одноимённой пьесе Всеволода Вишневского, которую называют единственной советской трагедией. Вишневский сам служил на флоте, можно сказать, свечку держал, поэтому про матросов гражданской войны написал выразительным языком, уделив особое внимание «трагедии в цифрах». Эту историю можно интерпретировать по-разному: вот в несомненной пользе советской власти уверяет фильм «Оптимистическая трагедия» 1963 года. А в чём уверяет Рыжаков?

В этом спектакле вся мощь театра. Песни, танцы, ансамбль, соло, шутки, серьёзные монологи, визуальное оформление – настоящий гезамткунстверк, синтез всех искусств. Вот на зрителя медленно надвигается громада декорации, с помощью света превращённая в холодную сталь судна.

Странное дело: на сцене никого и, по сути, ничего не происходит, но этот момент предчувствия – один из самых будоражащих. Громада декорации иногда будет рябить белыми полосами, но немного, потому что постановка заряжает своё ружьё психологизмом, а не зрелищностью. Прямолинейность выражается не только в вопросе-рефрене «Вы же знаете, что происходит сейчас в стране?», но и в «мемах XX века», с которых начинается спектакль. Знаменитый русский балет (Сергей Мардарь в балетной пачке особенно хорош), советские школьницы (всем взрослым дядькам Александринки форма идёт одинаково, как и задумано), товарищи полицейские (не забывайте, где мы находимся), крокодилы Гены, которые прогоняют в небытие заморского супермена. Есть и вопрос, с которого у многих начинается знакомство с Маяковским: «Что такое хорошо?» Вопросов в спектакле будет много: свобода или порядок, где грань между справедливостью и жестокостью, могут ли одни люди распоряжаться судьбами других. Все эти противоречия терзали ещё пьесу Вишневского, а сейчас к ним возвращаются не потому, что ответы на вопросы найдены, а именно потому, что этих ответов нет. И об этом хочется кричать и в танце, и в песне, и в каждой шутке.

Значимой составляющей спектакля является смысловой диалог со зрителем. Что примечательно, диалог этот сложился не сразу. На сайте Александринского театра можно найти рецензии 2017 года, которые часто выражают твёрдое и чёткое «не очень». Тем не менее, в том же сезоне 2017/18 спектакль получил «Золотую маску» как лучший представитель крупной формы. Каноничный для «Оптимистической трагедии» дуализм. Спектакль продолжал идти, и, надо понимать, за несколько лет образовался новый контекст, открывший многим новые возможности для понимания происходящего на сцене. В январе 2023-го в очереди в гардероб я услышала замечательный отзыв: «[выразительный мат]! Я вспомнила, за что я люблю театр!» Диалог окончательно сложился в лучшей своей форме. В декабре

того же года я осознала, что никогда не видела настолько живой театральной публики. Аншлаг, овации стоя с явным намерением заночевать в театре, шутки неизменно вызывали смех и аплодисменты, самые искромётные фразы воровато записывали в заметки. Публика была неотъемлемой частью представления, а смотреть в зал было таким же удовольствием, как смотреть на сцену. Из самого спектакля тоже упруго хлещет жизнь. Добавляются новые детали, сближающие моряков начала XX века с веком XXI. «Прощальный бал» даёт то, к чему все мы подсознательно стремимся – единство с другими людьми.

Что до песен и танцев, более всего их украшает стройный актёрский ансамбль. Прибегнуть к такому приёму было одним из лучших решений Виктора Рыжакова, и артисты прекрасно его восприняли. Радует, что часто звучит прекрасный голос Сергея Мардаря, лучше него только хор. Музыкальные номера подобраны на совесть – это же бал, а на балу без музыки никак: Queen, Pink Floyd, 5Nizza, написанный специально для спектакля суровый анархический рэп, который стоит в одном ряду с другими, уже привычными для театра средствами повествования. Ансамбль можно разложить на многогранные, не менее цепляющие детали. Сиплый – Иван Ефремов, которому особенно идут немного (или много) безумные герои, с гордо поднятой головой выдерживает длинные монологи и поворачивает восприятие спектакля на 180 градусов фразой «А можно я скажу?» Работа Тихона Жизневского тоже впечатляет. Охочий до правды матрос Алексей в его исполнении сразу представляется человеком, имеющим за душой нечто большее, чем просто страсть выделиться и всех поставить на место. Человечность постепенно в нём раскрывается: «Я правду ищу!» и «Я беспартийный! Я тебя люблю!» говорит будто бы даже не один и тот же Алексей. Такой же дуализм характера на протяжении всей пьесы раскрывается в Комиссаре, которую играет Анна Блинова. Ей мастерски удаётся переключаться между надрывным голосом члена партии, которому

поручено грамотно распределиться «боевым материалом», и криком истинного, противоречивого характера Комиссара. Эта женщина, которая должна моряков научить и умирать правильно, если понадобится, на самом деле, как и её отряд (полк!) борется за свою жизнь, хоть и заявляет, что ради партии на всё готова. Алексей и Комиссар были главными идеологическими оппонентами с самого начала истории (у них даже свой качающий рэп-баттл есть), но к её концу мы видим, как они на самом деле похожи. Всё потому, что оба раскрывают в себе человечность.

К обнаружению человечности и стремится весь спектакль. Все серьёзные монологи, сменяющие периодически шутки и разрушающие четвёртую стену, сводятся к тому, что любое насилие – это непростительно ужасно, как его ни назови. Эту мысль услышит и повидавший виды взрослый, и семнадцатилетний неискушённый зритель. За звание самой выразительной сцены здесь есть кому побороться: вот, например, единственный монолог Аркадия Волгина – свидетеля истории. Его свидетельство в рассказе о том, как при отступлении из Севастополя одни моряки, здоровые, перетаскивали других, раненых, по телам третьих, убитых. В этой сцене нет песен, танцев, театра марионеток, но впечатление она производит не меньше. Потому что в ней есть разбитый насилием человек, которого никаким гримом не скроешь. Пожилой мужчина, который регулярно проходит на набережную и рассказывает чайкам сначала про смешного располневшего кота, а потом про своих мёртвых товарищей.

Не менее примечательные метаморфозы произошли с сюжетом. После ясного событийного начала происходит чехарда самых разнообразных ситуаций, связанных одним и тем же текстом. Теперь спектакль по кусочкам, как мозаику, собирает сюжет. И лишь через два часа зрители его получают. В формате рэпа. А вот почему бы и нет. Для Рыжакова важно не столько рассказать историю, сколько раскрыть её значение, обратить в посыл.

Главное на этом балу – прощание. В общем и целом, если отбросить политические воззрения, войну, «за» и «не за» остаётся главное – конфликт жизни и смерти. Банально, но умирать не хочет ни белый офицер, ни анархист, с подачи которого старушку за кошелёк убили, ни самозабвенный партиец, ни борец за правду. Никто не хочет. Но с самого начала концерта мы знаем, что весь отряд (полк!) погибнет. Эта неотвратимость смерти придаёт светло-трагичное звучание той жизни, которая бурлит в спектакле. С той же целью самые человечные моменты этой истории помещены в конец, в качестве эпилога: это разговор Алексея с матерью – блистательной Эрой Зиганшиной и сближение его с Комиссаром (пластика этой сцены – жемчужина в короне выразительных средств спектакля). Каждый герой отчаянно пытается понять, во что ему верить, ведь с верой умирать не так страшно. Вожак верит в анархию и стремится ударить первым, чтобы не ударили его. Алексей верит в правду, потом в любовь, потом в правду любви. Для офицера не бояться смерти – старое флотское качество.

Глядя на истории всех этих людей, зритель понимает, что ему самому умирать тоже не хочется. Что он, в первую очередь – человек, который тянется к свободе, к любви, к справедливости. Поэтому насилие так отвратительно: все эти люди вокруг со своими стремлениями должны умереть, их руки, которые сейчас аплодируют шутке про Трубадура, которые могут бить, хватать, гладить, едва касаться, эти руки должны охладеть, исчезнуть, раствориться. На ужас от осознания этого и направлен спектакль, и эффект достигается, и уже не так важно, на уровне понимания или на уровне ощущений.

Сиплый поднимает один очень важный вопрос: «А где в вашей пьесе образ врага?» Действительно, одного злобного существа, на которого можно было бы свалить все грехи, в пьесе нет. Зато есть люди. Спектакль показывает, когда человек человеку враг, и когда так не должно быть. А не должно быть так всегда.